
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ КАК ОТСРОЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ МОЛОХА ГЛОБАЛИЗМА (QUO VADIS, DOMINI?)

*Делая зло другим, мы наносим
вред себе в бесконечности
своего существования.*

К.Э. Циолковский

*...Кто же скажет брату своему
«рака» <пустой человек>, подлежит
синедриону; а кто скажет «безумный»,
подлежит геенне огненной.*

Матф., 5:22

◆ Начался год столетия Великой Октябрьской социалистической революции — знаменательная и сакральная дата. Как Великая Французская революция 1789 года де-юре знаменовала рождение и закрепление новой общественно-экономической формации капитализма, так через 128 лет Великий Октябрь открыл следующую формацию — социализм. Первым делом возникает неаргументированный вопрос: почему капитализм англо-голландского образца еще XVII века намертво вцепился в Европу, а затем и в весь земной мир, и не отпускает своих когтей до сих пор, а вот социализм, опять же де-юре, просуществовала всего семьдесят лет?

Ответить можно однозначно только сейчас, когда после «предварительной арт-подготовки» последней четверти века, начиная с девяностых годов, мировой глобализм (термин устоялся, хотя и попахивает тавтологией...) объявил себя реальностью, в которой капитализм-империализм перешел в высшую и завершающую стадию глобализации под управлением Тайного (пока!) мирового правительства. От этой реальности никуда не денешься, ибо действует непреложный исторический, он же социально-экономический и geopolитический, закон преемственности в движении эволюции социумной организации человечества. По разным оценкам длительность периода глобализации, условно отсчитываемого от недавно состоявшегося «миллениума», как падкие, аки осы на чужой мед, отечественные СМИ обезьяннически назвали по-американски наступление 2000-го года от Р.Х., составит от восьмидесяти до двухсот лет. Окончание же глобализации явит нам, вернее — нашим далеким потомкам, новое биогеохимическое состояние планеты — полный переход ее биосфера в ноосферу — по В.И. Вернадскому и его ученикам: П. Тейяру де Шардену и Э. Леруа.

Лицо этого нового коллективного мира нам не то что не понравилось, но внушило бы ужас: люди все сплошь безликие винтики, подобия привычного нам человека, перемолотого молохом глобализации. С другой стороны, в этом мире будет господствовать полное социальное равенство, а инстинкт частнособственничества, уже сейчас являющийся биологическим атавизмом, артефактом уходящей эпохи (происхождение определено Ф. Энгельсом в знаменитой его работе...), будет напрочь отринут. Как в бытность СССР и соцлагеря.

...История — смейся и плачь: о таком ли варианте социализма-коммунизма восторженно говорили утописты, европейские умы великого восемнадцатого века философии, Маркс и Энгельс и их последователи почти вплоть до «миллениума»... извините за прилипший к языку американализм. О таком ли ноосферном коммунизме писал Вернадский, полагая, что ноосфера есть биосфера Земли, измененная научной мыслью и организованным трудом и преобразованная для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества? И он же в своей «Биосфере и ноосфере»: *«Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой* (выд. В. И. Вернадским.— Авт.). *Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету».*

Эк хватанул наш уважаемый Владимир Иванович! Поколение его внучки полегло на полях сражений Великой Отечественной; какая уж тут ноосфера?..

Реальный же человек вовсе не «светлого» — это в нашем, сегодняшнем восприятие — будущего доминанты ноосферы (см. выше о винтиках) уже просматривается в современных молодых генерациях, тех же тинейджерах, обвешанных оглупляющими «гэджиками», офисных «мнагерах» и «креветках» — придатках телекоммуникационных сетей, уже мыслящих не творчески аналогово, но сугубо утилитарно, компьютерной «цифирью». Но это, повторимся, все на наш взгляд людей, мыслящих в реалиях биосферного этапа эволюции, истории и культуры, как принято его определять. Человек, как субъект интеллектуальной ветви эволюции жизни, в отличии от представителей ветви инстинктивной, обладает уникальным аппаратом адаптации к резко изменяющимся условиям существования: от изменения климатических норм — см. нынешнюю шумиху и переход от Киотского протокола к Парижскому соглашению прошлого года — до социальных и геополитических бифуркаций. По этой самой причине нам особо не следует жалеть эти «винтики» глобалистского помола. Они прекрасно будут чувствовать себя в этом помоле, как вообще-то довольны своим *status quo* и нынешние «комп-тинейджеры»... Тем более, что в постглобалистской ноосфере ожидается социальное всемирное государство и, главное, полное изъятие инстинкта частнособственничества. Нет худа без добра!

Еще в постглобалистской ноосфере не будет алкоголя и табакокурения, которые, в разумной дозе естественно, стимулируют мыслительные и мотивационные процессы у человека. Но для «винтиков» это роскошь, вовсе не нужная ноосферной мегамашине, ибо побуждает человека хоть на время скидывать с себя оболочку запрограммированного живого робота. Вот доступная и дозированная наркота — самое милое дело роботизации через одурманивание. Что сейчас в вольнолюбивой Европе предварительно опробуется: в той же Голландии уже почти не пьют и не курят (табак), а целенаправленно переводятся на эту самую дозированную дурь... Просьба (пока) не путать эту ипостась глобализации с нашим отечественным лавинообразным ростом акцизов на табак и «злодейку с зеленой наклейкой»: это от безысходности страны в ее экономическом кризисе, где соответствующие министерства, следя примеру Петра Первого, все более превращаются в «приказы изыскания новых штрафов и налогов». Конечно, кивают — в части табака и алкоголя — на пример Запада, якобы не понимая (все они понимают прекрасно!) истинную мотивацию западников в этом тонком вопросе...

И еще один предварительный момент. Нынешнюю и последующую единственность Тайного мирового правительства не следует понимать в обыденном примитиве: дескать, есть всемирный американский президент, а все остальные главы госу-

дарств суть «секретари Вашингтонского обкома»! Относительно собственно американского руководителя см. только что состоявшиеся президентские выборы в США, где вся полемика между Клинтон и Трампом свелась к взаимным обвинениям в лапаннии девиц за зады и госперепиской с домашнего компа... И таким доверять всемирное управление? Нет, конечно, уже сейчас миром управляют не США, не Израиль, не американский президент, тем более не ООН. Управляют тайно для непосвященных и исподволь незримые, опять же пока конспирологические, интеллектуальные центры с мощной инфраструктурой технической обработки информации. Словом, близ есмь при дверех... А для непосвященных масс сойдет байка о всемирном заговоре и прочая чушь голубая.

◆ Теперь же завершим эту пространную преамбулу, объединив означенные выше тезисы, а именно: как связаны между собой 100-летие Великого Октября, поражение СССР и всей мировой системы социализма семьдесят лет спустя и наступившая эпоха глобализация, с завершением которой через 80—200 лет человечество вступит в ноосферную оболочку Земли вроде как планетарным обликом «коммунистического далека»: социально-экономическое равенство всех людей с (директивно?) изжитым атавизмом частнособственничества? Правда, люди там будут иные, на которых мы сейчас посмотрели бы с жалостью, состраданием... может и вовсе с отвращением: не человечество, а *человейник* (по А. А. Зиновьеву), не творческие люди, но безликие винтики единой мировой биотехнической машины.

Связь же простая, как все в мире фундаментальные истины до невероятия просты: прав оказался не Ленин, вроде как обосновавший переход в социализм одной страны, но старина Маркс провидчески сказал в «Коммунистическом манифесте» (его заключительный абзац): *«Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии в сех стран, соединяйтесь!»* (Выд. К. Марксом и Ф. Энгельсом. — Авт.). Отсюда и столь смущавшее Ленина и его сподвижников категорическое утверждение Маркса: социалистическая революция может успешно совершиться только одновременно во всех (промышленно развитых то есть) странах. Но Владимира Ильича, кстати говоря, это стало смущать только после окончания Гражданской войны, когда стали очевидностью неудавшиеся социалистические революции в Германии, Венгрии, Финляндии, попытка на знаменах Первой конной армии привнести социализм в Польшу... А так девизом было: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» — и ведущая роль Троцкого. Как бы мы не относились к нему, помятуя ленинского «иудушку», но Лев Давидович, пожалуй, единственный понимал провидческое утверждение Маркса. За что и поплатился.

Действительно, гениальные теоретик Ленин и практик, впрочем и великий теоретик, Сталин, создав сверхдержаву СССР, а затем и соцлагерь, объединивший треть планеты, заставили почти всех усомниться в правоте Маркса, но... тем сокрушительнее было поражение (не распад — это паскудное словечко) мира социализма в Третьей («холодной», информационной и прочие определения) мировой войне. — И полное торжество капитализма с одновременным переходом его империалистической фазы в глобалистскую.

Итог: наша страна опередила всемирную социальную эволюцию; поторопилась, словом. Но и это вписывается в обычную «практику» эволюции, которая кроме магистрального пути имеет и проверочные ходы опережения и тупиковых ответвлений. Тейяр де Шарден определяет их как пробные, ложные и тупиковые ходы. Точно также в социально-экономической ипостаси История — так привычно назовем в данном аспекте эволюцию — движется таким сложным путем; как собака-ищейка в своей работе бесконечно тычется носом вправо-влево, делая круги с возвратом назад, но в

итоге правильно приводит охотника — за боровой дичью, за преступником, за героя-новой «закладкой» и пр.— к цели.

Так сразу за переходом в последней трети XIX века европейского и американского капитализма в стадию империализма История начала пробное нащупывание пути (путей) перехода к следующей общественно-экономической формации, к социализму-коммунизму, а более конкретно: социально ориентированному строю с ликвидацией атавизма частнособственничества; это определение, правда, другими, словами, было дано Сталиным в «Экономических проблемах социализма в СССР» — в части вопросов, связанных с ноябрьской дискуссией 1951 года и проектом учебника политэкономии. Эти пробные нащупывания Истории длились всю первую половину XX века, а их отголоски — до начала нового тысячелетия. В теории это выразилось трудами школы Каутского, Ленина и его сподвижников, идеально-политических противников Троцкого и Сталина. Отдельную пробную ветвь так называемого западного, или «профессорского», марксизма представлял Георг (Дьёрдь) Лукач (1885—1971).

Но наиболее серьезные опробования путей социализации, потрясшие весь мир, происходили в geopolитической практике Европы. Здесь История «предложила» опробовать три ветви социализма: исторически первым возникший интернациональный социализм СССР, что было *пробным* путем; далее в двадцатые годы сформировался социальный итальянский фашизм, завершившийся социальной Республикой Сало, что оказалось *ложным* путем; наконец, германский национал-социализм суть *тупиковыем* путем. К последним из этих путей относились менее значимые концепции глобальной geopolитики Карла Хаусхофера, испанские фалангисты Хосе Антонио Прима де Ривера, гвардисты Румынии Корнелиу Зеля Кодряну, русские (в эмиграции) евразийцы — Трубецкой и Флоровский, более близкие к нашему времени идеологии консервативной революции Жан Тириар, Эрнст Юнгер, Ален де Бенуа, Робер Стойкерс и так далее до нынешних Александра Дугина и Мари ле Пен... В итоге История выбрала победоносный социализм СССР, но именно в его советской интернациональной оболочке. Но статическое противостояние такого социализма и западного империализма той же Историей «было признано» антиеволюционным, стагнирующим саму социальную эволюцию. Тем более, что империализм еще далеко не исчерпал свою потенцию. И здесь наступило торжество утверждения Маркса. Потребовалось человечеству пройти тягостный период глобализации, чтобы уже в полном единении вступить в ноосферный социализм, опробованный в прошлом веке в рамках СССР и соцлагеря, но, увы, уже с совершенно иным лицом...

◆ Теперь собственно к означенной в заголовке теме. Глобализация, ее тяжкий этап, неизбежна. Даже дипломатически осторожные руководители государств не скрывают этого в своих высказываниях. Но тайные еще пока правители мира и здесь утаивают от непосвященных масс истинное содержание развертывающегося молоха глобализма, сводя все на понятийном языке к свободе всемирной торговли и прочим благоглупостям*. Вот намедни и руководитель гигантской китайской он-лайн торговой корпорации «Алибаба» заявил, что-де грядущие свои успехи мы связываем исключительно с глобализацией... и так далее. Лукавство все это. Но суть наших размышлений в другом.

В любом самоосознании человека, сугубо индивидуальном, родственном и межличностном общении и вплоть до ареала всего социума, основной всего сущего, по-

* Полная аналогия с современным «затушевыванием» понятия и сути сионизма, который в СМИ относят единственно к переселению евреев в Израиль, хотя для этого есть специальное понятие — термин «алия»... Здравомыслящий человек рассмеется: неужели из-за понятного, человеческого стремления евреев жить в одном государстве (кстати, «крестником» Израиля был Сталин) в 70-х годах моши СССР по его предложению Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением сионизма (?!). В 90-е годы ее тихо дезавуировали. А духовные вожди сионизма вовсе не в Израиле, но в финансово-политических центрах США и Европы...

нимаемого как *человечность* — в антитезу глобалистского «расчеловеченья», — является возобладающие этика, этические нормы поведения и мышления. Поясним: по своему определению этика есть аспект философии, а мораль и нравственность суть практическое воплощение этики в деятельности и поведении человека. Дабы «не расстекаться мыслью <точнее — словами> по древу», далее используем термин «этика» или «этические нормы», понимаемые как совокупность философской этики с моралью и нравственностью... Акцент же всегда понятен из контекста...

С другой стороны, коль скоро явление молоха глобализма неизбежно, то естественно желание как индивидуума, так и неодурманенного социума по-возможности оттянуть «пришествие антихриста». Наконец, еще более естественным является стремление предохраниться от окончательного расчеловеченья, превращения в чоловейник как в процессе глобализации, так и в постглобалистском мире социального равенства и исключения частнособственничества. Инструментом такого противостояния расчеловеченью единственно является *христианская этика*. Существенен вопрос: почему именно христианская? Но это есть аргументированное ниже утверждение, а вовсе не своего рода «компатриотство», дескать, мы живем в мире христианских, а не мусульманских, иудаистских, буддийских, индуистских, конфуцианских, синтоистских <и так далее до шаманских бубнов...> этико-культурных традиций. Кстати, не стоит забывать и об определенной историко-этической преемственности: иудаизм → христианство → ислам при всем их разночтении... но и «кустовой» близости. С историческим центром «куста» в Иерусалиме, официально именуемом городом трех (канонических) религий...

Нет, вовсе не «компатриотство» стоит за утверждением о ведущей роли христианской этики в противодействии глобальному расчеловечению. Для начала обзорно рассмотрим религиозные и социально-исторические источники в формировании христианской морали как предтечи этики.

◆ В Книге Иова — старейшей из библейского канона Ветхого Завета — в главе тридцать первой «Окончание девятой речи Иова» читаем*:

*Если я ходил во лжи
И спешила к лукавству нога моя,
То пусть он взвесит меня на весах правды,
И узнает бог невинность мою.
Если шаг мой уклонялся от пути
И за глазами моими шло сердце мое,
И к рукам моим пристало пятно,
То пусть я сею, а другой ест,
И (пусть) отрыски мои будут искоренены.*

*Если прельщалось женщиной сердце мое
И я подстерегал (ее) у двери ближнего моего,
То пусть мелет жена моя другому,
И над нею пусть наклоняются другие.
Ибо это разврат,
И это беззаконие, подлежащее суду.
Ибо это огонь, до Аваддона пожирающий,
И все мое (достояние) пусть бы он (сжег).
<И так далее>.*

* Перевод оригинального текста Книги Иова — поэмы анонимного древнего автора — выполнен М. И. Рижским (издана в 1991 г., Новосибирск, «Наука»).

...Христианская мораль (и этика в совокупности!) возникла не с проповедей Иисуса Христа, но имела долгую предысторию. Даже не с ветхозаветных времен, но намного-намного раньше. Философ Фейербах, историки времен начала цивилизации Фрезер в «Золотой ветви» и Тейлор в «Первобытной культуре» все это «расставили по полочкам», а Ф. Энгельс связал начало оформления этических норм, морали и нравственности с происхождением семьи, частной собственности и государства в одноименном труде (1884 г.). Таким образом, базовые нормы морали и нравственности складывались в процессе социализации человека от пещерных времен до окончания рабовладельческой формации. О том, что это сугубая прерогатива истории и цивилизации, свидетельствует неоспоримо политерриториальность возникновения и развития очагов цивилизации, в результате чего в канонических религиозных сводах, являющихся своего рода энциклопедиями достигнутого знания, сложившихся именно политерриториально и автономно, этические нормы оказались почти идентичными. Причем это «почти» сугубо этнокультурное. Для характерного примера: древнеиндийский аналог «Клятвы Гиппократа» отличается от древнегреческого только этим «почти»: больная приходит на прием к врачу только в сопровождении мужчины; врачу запрещается оказывать помощь врагу своего властителя (магараджи)... Уже и не говорим о преемственности ближневосточных религий, означенных выше, особенно христианства и ислама.

Итак, в религиозных и социально-исторических истоках в формировании этических норм морали и нравственности проявляется доминанта действенности двух диалектических законов: единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество. Первый из них преобладает в период окончания рабовладельческой формации и возникновения христианства, второй — в определенной этической преемственности Ветхого и Нового заветов. Особых пояснений не требуется, но отметим следующее. Единство противоположностей суть преемственность и достаточно долгий исторический период постепенности смены одной общественно-экономической формации другой, более высшей в социальной эволюции человечества. Борьба же противоположностей выразилась на начальном этапе окончания рабовладельческого строя в рассматриваемом этическом аспекте как противостояние атавизмов родоплеменной морали в рамках формирования наций и национальных государств.

Переход же количества в качество в части преемственности Ветхого и Нового заветов ассоциируется с канонической унификацией, если можно так выразиться, этических, моральных норм.

Однако, при всей преемственности этих норм на границе смены формаций, возникновение христианства явилось в части этики событием почти такой же вселенской грандиозности, как и наблюдаемый нами сейчас переход биосфера Земли в ноосферную ее оболочку. В рамках действия закона перехода количества в качество это событие явилось пиком, бифуркаций такого перехода: христианство явило сначала средиземноморскому ареалу Римской империи (с вассальной Иудеей — Палестиной), а впоследствии всему миру совершенно новую мораль и нравственность, очень скоро оформленные в философско-этическом содержании евангелий.

Как и всякое, принципиально новое явление, тенденция в социальной эволюции человечества, возникновение христианства, главным и единственным содержанием которого является христианская этика, является сакральным откровением. Последнее именование вовсе не есть вненаучное понятие. Совсем наоборот — оно сугубо из ареала той системной научной отрасли, что привычно называется феноменологией, как и развиваемая нами феноменология ноосферы*. Ведь и сакральные числа в мате-

* 14-томная (на сегодняшний день) монография автора «Живая материя и феноменология ноосферы»; первые шесть томов см. по каталогу <http://URSS.ru> издательства «УРСС» (Москва); последующие размещены на различных сайтах — см. по поисковику: Яшин А. А. <название монографии>.

матике, и тот фактор, что только восемь процентов людей обладают качеством само-достаточного мышления, и многое другое, доказываемое научно, есть действие в математике, биологии и прочих дисциплинах фундаментальных законов Мироздания.

◆ Здесь необходимо существенное пояснение. Из логики следует, что магистральное научное доказательство может быть только одно: да или нет. Но помимо магистрального пути всегда налицоует некоторое (в принципе — бесконечное) число столь же научно выверенных частных доказательств истинности, как правило, относящихся к отдельным дисциплинарным направлениям научной мысли. В советских школах и вузах нас наставляли от Фейербаха: христианство — религия, выросшая из протеста рабов. Также и со ссылкой на Маркса — Энгельса. Гегель в своей двухтомной «Философии религии» и это учитывал как определяющий момент, и многое другое с немецкой педантичностью («Он из Германии туманной привез учености плоды...») разобрал по главам, параграфам и подпараграфам. В каждом его предложении, порой даже слове, правда и истинность научного гения, но в совокупности... не зря же Владимир Ильич жаловался на трудность освоения диалектики Георга Вильгельма Фридриха... Вся вторая половина XIX века — первой трети века двадцатого ознаменовались в европейской этической (христианской) мысли ситуацией «кто в лес, кто по дровам».

Истинным бриллиантом чистой воды здесь оказалась самая молодая научная школа Европы — философия русского космизма; называть поименно, значить перечислить всех без исключения русских мыслителей от славянофилов первой трети XIX века до практически нашего современника (автор, учась в Литинституте, присутствовал на встречах с ним) А. Ф. Лосева. Великолепная своим литературным языком, глубиной провидческой мысли, она обосновала христианскую этику как неизбывно общечеловеческую. Вершиной философии русского космизма с позиции этического ее содержания, вне всякого сомнения, стал Н. Ф. Федоров с его «Философией общего дела» и философской памяти отцов...

...Но русские космисты слишком поздно вошли в ареал всемирной этической мысли: на Западе уже господствовала утилитарная, протестанская в своей основе, лютеранско-кальвинистская этика прагматизма — верная служа-овчарка разбужшего капитализма-империализма, а на Востоке, в России... впрочем, к этому мы еще вернемся.

Суммируя сказанное выше, определим явление — другого слова здесь не подберешь — миру христианской этики как указание Истории, то есть общеэволюционного социального закона Мироздания, на новой магистральный путь существования, выживания и перспективного развития человечества-соццума. Это было переломным моментом эпохи цивилизации и культуры.

...Такого еще не было в истории человечества. С заповедями Христа оно худобедно прожило две тысячи лет, а апология христианской этики суть надежда человечества преодолеть тягостный молох глобализма и вступить в новый ноосферный мир социального равенства и со вбитым осиновым колом в могилу инстинкта частнособственничества... Хотя бы нам, ныне живущим, этот мир и не представлялся в самых страшных снах, да еще под пятницу тринадцатого числа месяца! Как нам в золотые (без кавычек) советские семидесятые годы не могли присниться реалии сегодняшнего дня: нищая Россия с «десятипроцентниками» нуворишей в законе, поссорившаяся с опидорасившейся Европой, поклоняющейся единой общечеловеческой ценности — доллару и евро, в то же время зажатая этой Европой — Америкой в пучину кризисов и санкций... Поневоле отсюда и сегодняшней протест России в мире.

Рассуждая в означенном выше ключе, мы, понятно дело, четко разделяем христианскую этику и собственно христианскую религию, церковь как духовное учрежде-

ние, тем более — государственную религию. Это особенно актуально и знакомо для России. Во-первых, русский народ в нескольких воспоследующих поколениях прошел через этап советского научного (отвергнув воинствующий атеизм Губельмана — Ярославского!) атеизма, при этом в полной мере следя христианским нормам этики и морали — под другим названием Заповедей Христовых... Это полностью разделило христианскую этику на практике жизни социума и церковь-учреждение. Последнюю поначалу полностью разрушили, но затем Сталин, сам учившийся в православной семинарии, восстановил ее в качестве духовно-культурного памятника.

Во-вторых, мы уже имели исторический прецедент конфликта между церковью истинной и церковью-учреждением. Это раскол русской православной церкви патриархом Никоном. При всей значимости этого события в русской истории, определенной ее судьбоносности, трактается оно — в общедоступном изложении при царях, генсеках и президентах — крайне поверхностно, если не сказать примитивно: «для масс» и никонианской госрелигии. Упирают на конфликт реформаторов-новообрядцев и старообрядцев. Кстати говоря, последние отвергают это свое наименование, тем более название раскольников; их самоназвание: *древлеправославная вера* (даже не церковь!). Действительно, смешно говорить о разделении на никонианцев и староверов всего лишь из-за трех и вовсе не канонических, не догматических обрядовых различий: дву- и трехгубая аллилуйя, крещение дву- и трехперстiem и написание имени Христа «Иисус» или «Исус» (?!).

Разумеется, расхождение двух ветвей русского православия есть следствие уже до Никона наметившегося, но им инициированного, хотя бы он и сам пострадал из-за этого, главное — последующих шагов, превращение ранее христовой самоопределяющейся церкви, как сугубо духовного, этического института, в церковь — государственное учреждение. Казалось бы, что плохого для церкви в ее полной госопеке: за бога, царя и отечество... Но последующее утверждение России как Третьего Рима, объявления староверов вне церковных и светских законов, главное — лишение Петром Первым, насмотревшимся на европейское госпротестанство, церкви патриаршества и полное, де-факто и де-юре, превращение ее в религиозный департамент, управляемый синодом (эквивалент древнеиудейского синедриона при римском владычестве), все это отодвинуло русских людей от полнокровной православной христианской этики, ее норм, морали и нравственности. Ибо их государство безапелляционно стало подстраивать «под себя». Этика же государства слишком разнится от этики Христовых заповедей. То есть круг замкнулся: церковь Христа отошла от синедриона и язычества римского кесаря, но, спустя полторы тысячи с небольшим лет, вновь вовлеклась под государственную власть.

Все то же самое мы видим и в истории Европы, даже в намного больших хитросплетениях...

...Сама же русская государственная церковь, постепенно превращаясь из духовно-этической в обрядовую, получила то, о чем предупреждали те же славянофилы: к наступлению череды русских революций она потеряла свою духовную власть над массами. Не помогла и срочная программа Николая Второго по укреплению православия и постройке ста тысяч новых церквей (их только в Туле, построенных по типовому проекту, несколько...). Когда царизм в стране сменился яростным поначалу ко всему прошлому социализмом, то ведь вовсе не одни сельские «комсомолисты» с духовными наставниками Троцким-Бронштейном и Губельманом-Ярославским (и иже с ними) с азартом сбивали церковные маковки с крестами, но и весь «богобоязненный» сельский и городской мир...

О цели и содержании нынешней государственной опеки православной церкви в де-факто атеистической стране светского по конституции государства еще рано делать какие-либо выводы, но задуматься не вредно.

Церковь, как духовно-этический институт для всего человечества христианского мира, и государственная церковь-учреждение сосуществуют без небольшого две тысячи лет. Их взаимоотношения, сложные и переменчивые в истории, вполне объяснимы. Реальное *status quo* здесь, равно как и во всех других областях социальной эволюции, всегда преобладает над идеальной «отсчетной точкой». Исключением здесь являлась, быть может, только древнеримская катакомбная церковь апостолов Христа, но христианская этика через тернии веков и тысячелетий автономизировалась от сферы религии и стала самоосознающим себя субъектом эволюции человечества. Собственно же наличие церкви истинной и церкви-учреждения есть действенность диалектического закона отрицания отрицания.

◆ Разделение христианства на Западное и Восточное, римско-католическое и греко-византийское, охарактеризовалась не только, даже не столько в образовании двух его ветвей в плане, так сказать, управлеченском: вселенская римская церковь и — после падения Византии — совокупность слабо связанных друг с другом* автокефальных православных церквей. Здесь мы подходим к существенному, тем более для нашего времени, вопросу о двойственности представления норм христианской морали: социумной и личностной. То есть и в вопросах этики и морали История (эволюция) идет все тем же путем пробного нащупывания, ложных и тупиковых ходов. Вообще-то это называется в системологии, то есть системной науке, принципом эволюционной консервативности: эволюция в своем движении использует весьма малый набор одних и тех же фундаментальных законов; из недавно доказательства Григорием Перельманом знаменитой гипотезы Пуанкаре следует, что таковых восемь... Однако — к теме.

Итак, личностная и социумная христианская этика. В чем их принципиальное различие и не менее принципиальная взаимосвязь, коль скоро мы их определили в системе двойственности представления? Эта двойственность, с одной стороны, есть «двуспальное прокрустово ложе», извиняемся за игривый термин; с другой — одно без другого немыслимо, даже не представимо в понятийном смысле. Словом, есть «классика» действия диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Действительно, всякая автономная (человеческая) личность в этическом плане является продуктом и сугубым субъектом социума. С другой стороны, снова обратимся к «Книге Иова» (глава 40 «Продолжение речи Яхве»):

*И отвечал Яхве Иову из бури, и сказал:
— Препояши же, как муж, чресла твои,
Я буду тебя спрашивать, а ты объясняй мне.*

*Ты опровергаешь мой суд?
Меня обвиняешь, чтоб оправдать себя?
А такая ли, как у бога, у тебя рука,
И можешь ли греметь голосом, как он?
(Попробуй), укрась себя величием и славой,
В блеск и великолепие облечись,
Излей ярость гнева твоего,
Взгляни на все гордое и унизи его.
Взгляни на все гордое и смири его,*

* Если в рамках нынешних взаимоотношений России и Украины ближневосточные и балканские патриархии пойдут на поводу у сил мирового зла (разделяй и властвуй) и объяят новую автокефальную украинскую (вершина этого «успеха» — со включением в нее униатского Запада Украины) церковь, то это будет полным расколом мирового православия.

И распотчи беззаконных на месте их.

*Зарой их всех вместе в прах,
Лица их заключи в тайное место,
(Тогда) и я превознесу тебя,
Что десница твоя — помощь твоя.*

Из приведенных строк древнейшей библейской, ветхозаветной книги на примере вольного или невольного (от страданий личной жизни) богообожества Иова против бога Яхве мы видим истоки — «с другой стороны...» — другой стороны двойственности представления (христианской в дальнейшем развитии) этики: автономная личность, все более в процессе эволюции самоосознавшая себя самою, всегда противопоставляет — в смысле выделяет — свою этическую сущность принятым нормам социума. Очень понятная аналогия: художник только тогда достоин своего признания, если он находится в определенной, лучше — конструктивной, оппозиции к социуму как государству. Это непререкаемая истина, сложившаяся за весь период цивилизации и культуры человечества.

Связываем же мы двойственность представления норм социумной и личностной морали, этики в совокупности ее содержания, с разделением христианства на Западное и Восточное постольку, поскольку православие, по крайней мере русское, в полной мере сохранило и укрепило полный кодекс заветов Христа, символом чего стало Святая Троица, а преобладающей моралью — социумная. Католичество же, казалось бы, при единстве ее организации с главенством папы Римского, несло в себе предтечу преобладания личностной морали. А символ престола Святого Петра — Богородица — недвусмысленно свидетельствует о приоритете семейной, в итоге — той же личностной морали.

Именно такая установка католичества привела к отпадению от него половины Европы, далее «пополнившейся» Новым светом, большинства населения других, доминионных и колониальных, континентов. Ибо протестантизм Лютера, но особенно Кальвина, есть апология частнособственничества и сугубого индивидуализма, а личностная мораль служит нарождающейся буржуазии в лице государства. Для примера приведем разъяснение Лютером в его «Кратком катехизисе» четвертой заповеди Христа: «*Мы должны бояться и любить Бога, чтобы не презирать и не прогневлять родителей и господ своих, но оказывать им почтение, служить и повиноваться им, любить их и дорожить ими*».

...Как говорится: да улягутся вместе волк и овечка, а в наших реалиях — Березович и Абрамовский с парочкой бомбей.

♦ Именно истинное, духовное русское православие стало в двадцатом веке базисом коммунистической морали. Когда в разгар лихих девяностых Зюганов озвучил это словами «Христос был первым коммунистом», то все щелкоперы и голосодарлы демСМИ в единый голос запели уже поднадоеvшие «песни народностей» (это не намек, но удобное словосочетание О. Бендера из романа одесских классиков...) с понятным лейтмотивом: какой-такой Христос? Коммунизм — Сталин — ГУЛАГ и пр. Сейчас народ наш многогрешный поумнел в новой, малорадостной реальности прошедших трех каппятилеток нового века, потому вешунов и колдунов от СМИ если и слушает, то вполуха. А радостные эмоции проявляет только при сообщениях об очередном арестованном за взятки губернаторе. Теперь и до министров добрались.

Христос, разумеется, не платил свой взнос-шекель* парторгу иудео-палестинс-

* Название древнеиудейской, а равно и современной израильской, денежной единицы первоначально обозначало церковную десятину. После разрушения Римом Иерусалимского храма и рассеяния евреев по миру шекель обозначал взнос на постройку нового Храма.

кой компартии; он, как истинный коммунист, вовсе без денег обходился. Почему Христос коммунист? — Потому, что в основе любой идеологии, даже сугубо политизированной, клерикальной или атеистической, националистической или интернационалистической и так далее, заложены этические, моральные нормы: как естественно, исторически сложившиеся, единные для всего человечества, исключая этнографические специфики, так и трансформированные искусственно, а то и вновь введенные — для «обслуживания» конкретной, доминирующей в данном социуме идеологии.

Коммунистическая мораль — от писателей-утопистов до Маркса и далее до наших дней, подтвержденная практикой социалистического строительства — суть основа идеологии, взаимопроникновенно сочетающей в себе социальное равенство, интернационализм, всемирность (не глобализм!), а в части экономики — величайшее дополнение, сделанное в теории Лениным, а на практике Сталиным: советская социалистическая политэкономия* с ликвидацией частной собственности, главное — побудительных причин существования этого атавизма предшествующих формаций. Такую мораль и дал Христос в своих заповедях блаженств, в СССР в семидесятые годы сформулированных как «Моральный кодекс строителя коммунизма», что нынешние средне- и старшие поколения ежедневно лицезрели на кумачных плакатах, установленных во всех общественных местах и на центральных аллеях крупных промышленных предприятий. Как добро шутили мои тогдашние коллеги, инженеры-оружейники: «В масштабе 1:1»...

СМИ, понятно дело, раньше служили власть придерживающим — на то их профессия и первая древнейшая, а с «лихих девяностых» — идеи глобализации. С них и спрос мал. Но самодостаточно мыслящие люди (увы, их по законам эволюционной и социальной биологии всего лишь восемь процентов...) прекрасно осознают: учение Христа и коммунистическая идеология, как бы это не диковато звучало на первый взгляд-слух, есть одно и то же в этико-моральном аспекте. Особенно это понятно, если отвлечься от традиции исторически закрепленной терминологии: нормы этики и морали, в нашем рассмотрении христианской, уже достаточно давно автономизировались от сугубо религиозной их предыстории. То есть они одинаково действенны как для людей воцерковленных, так и для подавляющего большинства, придерживающихся в личностной и социумной своей жизнедеятельности христианского этического традиционализма.

...И еще предваряем язвительный вопрос, явно от СМИ-одурманенных, сугубых либералов западнической умоустремленности и других категорий «от Фомы неверующего»: «Допустим, любезнейший, что понятие коммунистической морали право-мочно, в чем мы, ветераны Болотной площади, резонно сомневаемся. Но отчего это вы, научный атеист, бывший инженер-оружейник, воспитанник Северного флота и потомок русских староверов и шотландских гугенотов, прочите именно *русское православие* базисом коммунистической морали?» — Ответим, ничтоже сумняшееся. Для начала приведем характерную фразу из книги «Великое в малом» выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862 — 1929): «...С этого завелся между нами продолжительный разговор, перешедший в спор, который, как и все споры, особенно наши российские, не привел ни к каким положительным результатам. Первоначальная тема спора отошла на задний план и незаметно для нас обоих стушевалась».

Потому и мы не поддадимся завлекательной русской привычке спорить — желательно о фундаментальных истинах и под хорошую закуску... Так можно дойти и до песен Высоцкого: «Удобную религию придумали индусы».

* Уход Сталина из жизни не позволил доработать основы политэкономии социализма (см. материалы ноябрьской дискуссии 1951 года); слова Иосифа Виссарионовича о том, что без теории в этой области коммунизм построить нельзя, были, увы, забыты последующими руководителями...

Православие — с позиции ее этики и морали — вовсе не «удобная религия». Скорее, наоборот — страдательная. Но как базис коммунистической морали оно несомненно, поскольку, как было сказано выше, восточное христианство сохранило от апостольских времен социумную моральную установку. — В отличие от западного католичества. А таковая установка в полной мере отвечает общей коммунистической идеологии, где «память отцов» (по Н. Ф. Федорову) органично сливается с высшим развитием социальной эволюции человечества.

Но почему именно русское православие, а не одно из остальных десятка с лишком автокефальных православий, включая номинальные патриархии на небольших средиземноморских островах? Или малоприходные патриархии Константинополя-Стамбула и Иерусалима... — Ответ частично содержится в данном перечислении, но полностью в утверждении: именно в русском православии исторически и ситуационно сложилось преобладание этической духовности над внешней обрядовостью. Здесь выделим три наиболее существенных фактора. Относительно позднее формирование русского православия, в определенном смысле наложившегося на восточнославянский языческий культ, то есть естественная, эволюционная мораль подкрепилась аргументированной и выведенной парадигмой заповедей Христовых. А вот обрядовость от наследия христианства на язычество отошла на второй план.

Другой момент: почти тысячу лет от принятия христианства русское православие жило «миром», то есть сельской общиной, что *maxitum maximorum* способствовало преобладанию и закреплению социумной морали христианства, мало отличавшегося от апостольских времен, для которых роль, или доля, обрядовости имела мало значения. Особенно, если сравнивать с церковной пышностью греческой Византии; даже папский престол здесь сереньким выглядит...

Наконец, окончание общины, разрушенной Столыпиным, тотчас совпало со всеобщей советской общинностью, где обрядовость вовсе исчезла, но христианская мораль и нравственность, вообще этика в целом, стали основой социума-государства.

...Большего сказать нечего: излишне по правилам логики доказывать самоочевидное.

◆ Действие всех трех, названных выше, диалектических законов в различной степени их сочетания и соподчинения мы видим, рассматривая христианскую этику и мораль в противостоянии с системно организованными силами на протяжении двух тысячелетий — от Р. Х. до наших дней почти что вселенского торжества молоха глобализации, что в христианской традиции есть приход Антихриста по наши души. Рассмотрим их вкратце, ибо, как говорил один из (отрицательных) персонажей шлоховской «Поднятой целины», чтобы бить врага, надо знать его оружие (на столе Половцева чекисты обнаружили тридцатитомник сочинений Ленина...).

Естественные вопросы: зачем Истории и эволюции социума понадобилось это противостояние и именно системно организованное?

Диалектика дает прямые ответы на оба вопроса. Противостояние, оно же противоречие, есть движущая сила эволюции, социальной в том числе и даже в особенностях. Так и движение христианства, в сущности этического учения и практики, не встречая естественного или искусственного противостояний, стагнировало бы, охватив весь ареал тогдашнего знаемого мира, стало догмой, что есть останов социальной эволюции, а Историей было бы отнесено к ложному или тупиковому ходу. В лучшем случае христианская этика поглотилась внешней обрядовостью — служанкой текущей общественно-экономической формации. Что мы сейчас, когда позиции христианской этики в периоды империализма и глобализации в западно-атлантическом мире сведены почти что к артефакту, и наблюдаем.

Относительно же системной организации сил, противостоящих христианской

этики, то это прерогатива социумной организации человечества. Еще языческие жрецы, наши сибирские шаманы, духовно окормляя свои поселения, не уставали нащать руководящих старейших своего рода-племени: враг наш, что раскинул свои хижины-яранги по другую сторону речки, хитер и коварен; поодиночке нам не устоять... и так далее до «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» К сожалению, этот прекрасный лозунг (временно) снят с повестки дня империализмом-глобализмом, но в иной форме возродится вместе с основами христианской этики в постглобалистский, ноосферный период эволюции (совершенно другого, увы) человечества.

С самого начала действенности заповедей Христовых, новую мораль, еще только в религиозном оформлении, организованно (системно) стремились в зародыше уничтожить сразу две противостоящие стороны: власть синедриона и карающий меч языческого Рима. Евангелическим символом их невольного, разноидеологического (разнорелигиозного) союза против нового учения стала сама казнь Христа: руками Рима по наущению синедриона. Трагична роль Пилата, поставленного синедрионом в двусмысленное положение, хотя римское язычество того времени выступало против института единобожия скорее номинально: богу богою, а кесарю кесарево...

Другое дело синедрион. Хотя иудаизм является в определенной степени прародителем христианства в части этической идеологии — от заповедей ветхозаветных пророков к заповедям блаженств Христовым, — опять же символом чего является в христианской канонической традиции объединение в Библии Ветхого и Нового заветов, но полное, бескомпромиссное противостояние его Христову учению было всегда и везде: от общего для двух религий, хотя и краткого во времени, палестинского ареала, до последующего ареала мирового, начавшегося с рассеяния еврейского народа римлянами и этногеографического распространения христианства.

Причина здесь одна и уже давно необсуждаемая: неискоренимое взаимное противостояние идеологических установок: иудаизм с далее сформулированной практикой сионизма, как религия одного (избранного по Ветхому завету, особенно по письменной и устной Торе) народа, и не знающее расово-национальных, geopolитических, географических и иных различий и специфик христианство: евангельское «несть эллина, несть иудея...»

...Другое дело — зачем Истории, социальной эволюции потребовалась такая специфика древнейшей монотеистической религии на Земле? Этот вопрос выходит за рамки нашего рассмотрения, посвященного генеалогии и перспективам действенности христианской этики. И вообще он настолько сложен, что на протяжении веков и тысячелетий породил массу концепций, конспирологических в своей основе...

◆ Итак, начиная со своего иудео-палестинского, географически малого, зарождения, христианство в исторически короткие сроки охватило сначала Средиземноморский мир, а вскоре и мировую — по тогдашним меркам — Римскую империю, на скорых развалинах которой христианской стала вся Европа, Ближний Восток (читатель цивилизации!) и Северная Африка. По мнению и исследованиям нашего выдающегося историка-этнографа Л. Н. Гумилева — его работа «Поиски вымышленного царства» — к тринадцатому веку христианство в несторианской форме «повторило» восточные походы Александра Македонского, то есть включило в свой ареал Центральную Азию, а от нее вошло в пределы Индии и Китая, достигнув берегов Желтого моря — так называемое, условно вымышленное, царство пресвитера, первосвященника Иоанна. В англоязычной литературе оно именуется «воображенное царством» пастора Иоанна. Один из факторов этой условно вымышленной истории есть расквартирование (православного) русского полка в 1330 году в предместье Пекина...

Как знать, если бы в 1312 году новый хан Узбек не обратил Золотую Орду в ислам, когда в Сарае имел свою кафедру православный епископ, а тверской князь Ми-

хайл был туда в пути — подтвердить конкордат с предыдущим ханом о принятии Ордой православия (убит Узбеком), то может вымыщенное царство пресвитера Иоанна сейчас называли предшественником полностью христианизированной Азии и, соответственно, Евразии?..

Опять-таки «сработал» диалектический закон в движении социальной эволюции — закон противостояния с системно организованными силами: кто кого победит в части этических норм; История начала искать возможные ходы, на сей раз не удовлетворившись испытанными, то есть ложными, тупиковыми и сугубо пробными. То есть, «помятуя» управляющий ею же принцип эволюционной консервативности (экономии), История трансформировала сугубо пробный ход в — назовем его понятийно так — соревновательный пробный. А коль скоро любая соревновательность предполагает примерно равные стартовые и функционально-достаточные условия — иначе это фарс, — то ход был продуман следующим. Сочетая генеалогическую преемственность, этногеографическую автономию и, главное — потенциал среднесрочного и далекого будущего, что принято называть миной замедленного действия, в седьмом веке миру явился ислам. Последнюю «позицию» сочетания, это где о мине, мы только сейчас наблюдаем воочию, хотя бы в столкновении современного ислама с (заранее) победоносным глобализмом его фундаменталистская ветвь больше есть geopolitika. Этногеографическая автономия, то есть преимущественный канонический ареал действенности ислама, определилась очень скоро. От бедуинских верблюжьих караванов Аравии он стремительно двинулся в Азию. Халифат дал миру ислама всю Среднюю и Центральную Азию, с севера этот мир прирос Золотой, Сибирской (Синей) и Желтой ордами, к тринадцатому веку заняв бывшие владения царства пресвитера Иоанна. Ближний Восток, Север Африки, Балканы до предместьев Вены и Иберийский полуостров, равно как полуостров Крымский, в движении ислама на Запад приобщила в короткий срок к своим раям Блистательная Порта.

Но все это военная, geopolитическая соревновательность. В части же генеалогической религиозной преемственности, что первостепенно важно в этическом плане, то здесь соревновательность сведена к минимуму, ибо в Коране указывается на преемственность учения пророка Мохаммеда (Магомета в русской транскрипции) от учения Иисуса Христа — Иисы и матери его Мириам в Коране; более того, Христос считается предыдущим Магомету пророком аллаха. В отличии от Нового Завета, в Коране много внимания уделяется возвретиям ветхозаветных пророков, каковые в этом качестве также рядополагаются перед Христом и Магометом.*

...Обращая внимание на большое внимание в Коране к учениям ветхозаветных пророков, в современной западной религиоведческой литературе наличествуют и конспирологические концепции, связанные с возникновением ислама, как соревновательной с христианством доктрины; см., например, книгу Дугласа Мура «Спор о Сионе». Но конспирология есть скорее geopolitika, в данном случае в религиозной оболочке, нас же интересуют вопросы этики и морали. Заметим, что в исламе интернациональный аспект даже усилен по сравнению с христианством, что в соревновательном плане давало и дает определенные преимущества учению Магомета в некоторые, обычно бифуркационные, исторические периоды. Сейчас это преимущество здимо наблюдается в связи с настиском сил глобализации.

В совокупности отметим равнозначность морально-этических норм и канонических догматов христианства и ислама. Это сугубая специфика соревновательно-пробных ходов Истории, как движения социальной эволюции. Заметим, что если догматы этики закреплены в иудаизме, христианстве и исламе, соответственно, в

* Следующим после Магомета пророком самопровозгласил себя Муаммар Каддафи в 70-е годы, определив ислам арабской социалистической джамахирией, сам став жертвой молоха глобализма.

Ветхом завете (в Торе), в Новом Завете и Коране, то «практика» этики, ее морально-нравственные нормы, есть — также соответственно — содержание устной Торы, Деяний святых апостолов (и других книг Нового Завета) и законах адата (и других социально-этических трактовок коранических текстов).

Все же имеющееся различие-разнотение, которое выше названо минимальным, в этике, морали и нравственности христианства и ислама обусловлено, скорее всего, средой возникновения последнего: начальная религия кочевых племен с усиленной доминантой торговой организации этого социума.

«Справа и слева соседние» религии иудаизма и ислама, конечно, в определенной мере рассматриваются как находящиеся в противостоянии с христианством, но таковое во многом нивелируется генеалогической последовательностью возникновения и длительным историческим временем существования, включая таковое в одних и тех же государственных образованиях. Гораздо более разрушительными для христианства и его этики являются уже сугубо санкционированные системно организованные силы, действующие в канонических ареалах христианского мира. Частично мы их касались выше, тем более они у каждого, особенно получивших образование в советское время, в памяти и на слуху. Ограничимся их перечислением-напоминанием в контексте развиваемой темы.

Мировое масонство (по традиции) до сих пор полагается по части конспирологии. А фактология его преимущественно трактуется в историческом плане навроде «рыцарей круглого стола короля Артура», орденов розенкрейцеров и тамплиеров. По канонам христианства масонство терминологически обозначено как Антихристово воинство. Современное масонство, вне всякого сомнения, является «засадным полком» молоха глобализма, а в каких-то его действиях — и «разведка боем»...

Утилитарный протестантизм, сформировавшийся от дряг Вселенских соборов до нынешнего сектантского дробления христианской церкви, огосударствление церкви как ее формализация и перевод в культурный (или культовый?) артефакт, современное *status quo* христианства в его соотнесении с геополитикой и научным мировоззрением, как «морали по вызову»... — вот краткий перечень других системно организованных сил, разрушавших веками христианскую этику.

◆ Сейчас человечество в своей социальной эволюции вошло в апокалиптический (чем и завершается Новый Завет) период глобализации, тягостный молох которого суждено пройти в процессе формирования ноосферы. С позиций христианской этики, заповедей Христовых, этот период всечеловеческого испытания характеризуется уничтожением моральной сущности христианства и переходом к сугубо утилитарной «морали по вызову». Как это ни прискорбно, но сейчас уже не единолично Спаситель, но весь мир человеческий способился взойти на Голгофу и воскреснуть к новой социальной жизни в постглобалистскую эпоху. Еще раз, может надоедливо, повторимся: воскреснуть в совершенно ином, с нашей позиции малопривлекательном, качестве человека ноосферного. Главное, следует помнить: современная апология христианской этики есть главная стратегия неравнодушных людей и объединяющих их социумов в отсечивании явления молоха глобализма. Как говорится, помирай, но пашню под хлеб готовь...

Общая же картина сейчас безрадостная: в логике соотнесения добра и зла в мире торжествует господство западной протестантской (торговой) морали; более того, на наших глазах творится образцово-показательное уничтожение норм христианской морали в современной Европе и пр. и пр.

Мораль в ее христианском понимании есть главный противник (см. выше) глобализации — начального периода ноосферизации Земли. Важную роль мы отводим неформальной (вне института госцеркви де-факто) морали русского православия, как

основы сопротивления глобализации в ее утилитарной форме. Загадывая через предбудущее, говорим: в постглобалистской морали вполне мыслим возврат к кодексу заповедей Христовых.

...Концовка знаменитой книги «Камо грядеши» первого Нобелевского лауреата по литературе* из России, тогдашней Российской империи, Генриха (Генрика по-польски) Сенкевича: после Неронова пожарища, уничтожившего три четверти Рима, где поджигателями объявили христиан, апостол Петр, узрев мученическую смерть («Христиан львам!» — лозунг римских обывателей) адептов созданной им в Риме церкви за 34 года учения после распятия Христа, вышел в полном отчаянии из Города (*Urbi Roma*), но на Аппиевой дороге повстречал вновь пришедшего на Землю для повторения подвига Христа. *«Quo vadis, domini?»* («Куда идешь, господи?»), — обратился к нему Св. Петр. — «В Рим», — скорбно ответил бог-сын. И Петр, устыдившись в четвертый раз (первые три евангельские: «Не прокричит петух, как ты трижды отречешься от меня...»), развернулся и вернулся в Рим — на ожидающий его крест распятия.

Камо грядеши, человечество?

* * *

Настоящей «Колонкой главного редактора» редакция «Приокских зорь» открывает традиционную для журнала всероссийскую и международную дискуссию по актуальной теме: «Апология христианской морали в эпоху глобализации». Материалы объемом до 10 стандартных машинописных страниц (A4, шрифт 14 через 1,5 интервала) слать на e-mail: priok.zori@mail.ru на имя гл. редактора А. А. Яшина до 01.09.2017 г. с пометкой «Дискуссия — 2017». Материалы дискуссии будут опубликованы в № 4, 2017 «ПЗ». Возможно издание материалов отдельной книгой.

* * *

16-го января 2017 года исполнилось 150 лет со дня рождения известного русского писателя, туляка Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича). Соответствующая юбилейная рубрика помещена в настоящем номере «Приокских зорь» в разделе «Хроника литературной жизни». О литературных юбилеях, которые будут отмечены в №№ 2—4 «Приокских зорь»: 140-летие со дня рождения Игоря Северянина (№ 2); 200-летие со дня рождения Алексея Константиновича Толстого (№ 3); 50 лет со дня опубликования романа-эпопеи Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» (№ 4).

* * *

К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции в №№ 1—4 «Приокских зорь» открыта соответствующая литературная рубрика.

* * *

По уже устоявшейся традиции, начиная с № 1, 2015 «Приокских зорь», каждый нечетный год первый номер журнала мы делаем «белорусским»; таковым является и настоящий номер.

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬИ

* Сенкевич был удостоен Нобелевской премии за названный исторический роман с формулировкой: «За апологию христианства».